РУССКАЯ МОРСКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ БИБЛІОТЕКА
№ 51 Апрѣль 1937 г. № 51

ФЛОТА ГЕН.-ЛЕЙТ. В. М. ЛИНДЕНЪ

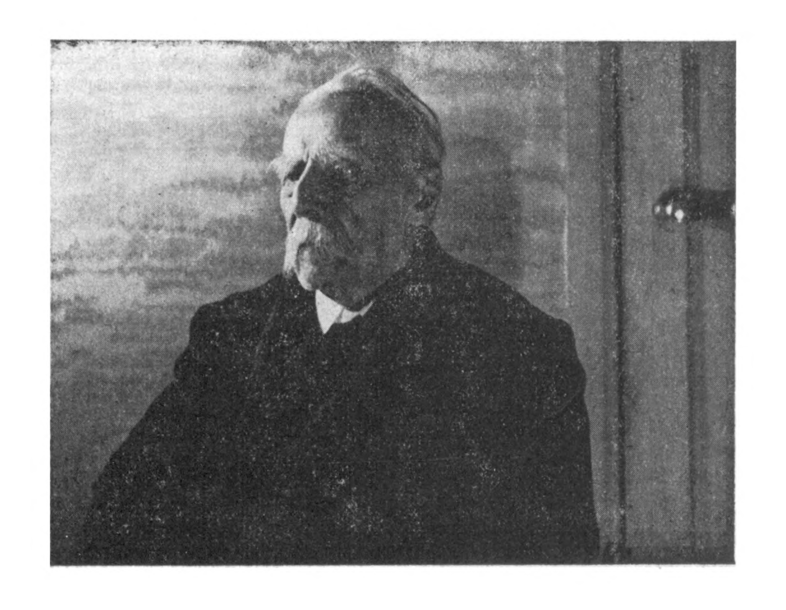
Шквалъ

ПРАГА 1937

ФЛОТА ГЕН.-ЛЕЙТ. В. М. ЛИНДЕНЪ

Шквалъ

ПРАГА 1937

(Снимокъ сдѣланъ въ апрѣлѣ м-цѣ 1937 года).

Ваше Превосходительство,
дорогой Вильгельмъ Михайловичъ!

Почти столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ дня Вашего рожденія: три четверти вѣка прошло со дня окончанія Вами колыбели Флота — Морского Училища; 70 лѣтъ тому назадъ вышелъ въ свѣтъ Вашъ первый печатный трудъ.

Прослуживъ Россіи и Флоту при трехъ Императорахъ, глазами старшаго гардемарина, видѣвшаго великія реформы Императора Александра II Освободителя, Вы ушли изъ Россіи въ годину величайшихъ страданій, ниспосланныхъ ей Господомъ, но до сихъ поръ счастливо сохранили бодрость духа, свѣжесть и отчетливость мысли и удивительную энергію.

И сегодня — въ день знаменательнаго юбилея — 75-лѣтія производства Вашего въ первый офицерскій чинъ, праздника для всѣхъ членовъ морской семьи, — издательство „Морского Журнала“, вѣрнымъ и постояннымъ, откликающимся на каждый животрепещущій вопросъ сотрудникомъ котораго Вы состоите, разрѣшило себѣ воспользоваться лежащей въ портфелѣ Редакціи Вашей статьей, написанной Вами въ прошломъ году, т. е. спустя ровно 70 лѣтъ съ момента опубликованія Вашего перваго печатнаго труда, и издать ее въ видѣ отдѣльной брошюры.

Мы просимъ Васъ принять наши труды по изданію ея не только какъ знакъ вниманія къ старѣйшему офицеру Россійскаго Императорскаго Флота, но и какъ выраженіе нашей самой искренней любви къ Вамъ, нашего преклоненія передъ Вами и нашей гордости за морскую семью, имѣющую своимъ Старѣйшимъ именно Васъ.

Да хранитъ Васъ Господь на многіе и многіе годы и да потлетъ Онъ Вамъ счастье — глазами умудреннаго опытомъ жизни старца — вновь увидѣть освобожденіе родного Вамъ народа...

Представитель „Морского Журнала“ во Франціи
ст. лейт. *Н. Деменковъ.*

Представитель „Морского Журнала“ въ Югославіи
лейт. *А. Штромъ.*

Редакторъ-Издатель „Морского Журнала“
лейт. *М. Стахевичъ.*

20 апрѣля 1937 года.
Прага Чешская.

Шквалъ.

На террасѣ большой дачи, построенной на пригоркѣ такъ называемаго Профессорскаго Уголка, въ Алуштѣ, собралось за чашкою чая небольшое общество знакомыхъ хозяина дачи; его всѣ называли адмираломъ, хотя въ дѣйствительности онъ не имѣлъ этого чина, а былъ просто флота генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ; сначала старикъ отвергалъ это титулованіе, а потомъ привыкъ и, кажется, въ концѣ концовъ самъ повѣрилъ, что онъ настоящій адмиралъ, хотя и не носилъ орловъ на своихъ погонахъ.

Общество расположилось за столомъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ и красовалась корзина съ фруктами, а хозяйка, бодрая старушка Надежда Александровна, разливала чай. Бесѣда велась о злобахъ дня.

Говорили, что необходимо упорядочить водное хозяйство въ Крыму, что татары завладѣли водою въ ущербъ русскимъ; въ горахъ поливаютъ пастбища для своихъ овецъ, а русскимъ поселенцамъ не хватаетъ воды для садовъ и виноградниковъ; бранили Губернское начальство за то, что оно потакаетъ татарамъ и при спорахъ о водѣ всегда принимаетъ ихъ сторону; говорили также о неудачныхъ проектахъ желѣзной дороги на Южный берегъ; комментировали газетныя новости, но бесѣда проходила спокойно: не слышалось ни громкихъ возгласовъ, ни споровъ; вообще вся обстановка террасы, даже легкій запахъ березовыхъ угольковъ отъ самовара

производили впечатлѣніе какого то покоя и уюта. Фигура адмирала, добродушнаго старика лѣтъ 70-ти, расхаживавшаго по террасѣ съ сигарою въ зубахъ, способствовала укрѣпленію этого впечатлѣнія. Разговоръ не умолкалъ, но гости стали посматривать на небо. Погода хмурилась. Верхушка ближайшей горы Кастель скрылась за облаками; высившійся въ отдаленіи сзади дачи Бабуганъ тоже окутался облаками. Море, оправдывая свое названіе, было совсѣмъ черное отъ нависшихъ надъ нимъ тучъ; вѣтеръ развелъ порядочное волненіе. Волны, съ серебрящимися верхушками, безконечною чередою набѣгали на берегъ, обливали его пѣною и, шурша по галькамъ и камнямъ, скатывались внизъ, чтобы опять набѣжать и опять облить пѣною берегъ, вѣдь волны не знаютъ усталости.

Хозяйка стала всматриваться въ даль моря и вдругъ обратилась къ гостямъ:

— Посмотрите, господа, нашъ пароходикъ «Гурзуфъ» въ этакую погоду вышелъ въ Ялту. Посмотрите, какъ его мотаетъ. Не завидую я бѣднымъ пассажирамъ; да и вообще не люблю я этотъ пароходикъ. Онъ неудобный, высокій и валкій. Успѣетъ ли къ ночи дойти до Ялты?

— Дойдетъ, — отозвался кто то изъ гостей, — а если нѣтъ, то заночуетъ въ Гурзуфѣ.

— Едва ли заночуетъ, — возразилъ адмиралъ, — въ Гурзуфѣ нѣтъ укрытія. Двѣ живописныя скалы, стоящія передъ берегомъ, совсѣмъ не защищаютъ бухточки, а отстаиваться у пристани, которая по ветхости сама еле держится, нельзя. Зыбь и волненіе будутъ колотить пароходикъ о сваи. Капитаны всегда стараются добраться до Ялты, тамъ за моломъ можно спокойно стоять даже и въ штормъ. Пароходамъ и въ бурную погоду при исправности машинъ ничего не сдѣлается, — продолжалъ адмиралъ, — а вотъ мелкимъ парусникамъ, да рыбакамъ

приходится плохо. Сегодня, раннимъ утромъ я замѣтилъ, много рыбаковъ вышло въ море. Говорятъ, пошла бѣлуга, хотя это и не по сезону для нея. Вернутся ли всѣ они къ вечеру домой?

— Рыбаки сами виноваты, — отозвался кто то изъ гостей, — если ихъ много гибнетъ, зачѣмъ они выѣзжаютъ на своихъ утлыхъ судахъ такъ далеко, иногда двадцать миль отъ берега; вѣдь можно ловить рыбу и у береговъ.

— А вы думаете, у береговъ нѣтъ опасности, — замѣтилъ адмиралъ, — по всему южному берегу, даже въ лѣтнюю пору, срываются съ горъ иногда жестокіе шквалы и не мало рыбаковъ отправилось гостить къ рыбамъ; впрочемъ, — прибавилъ адмиралъ, — бываютъ и счастливые шквалы.

— Что это значитъ «счастливые»? — спросилъ кто то изъ гостей.

— Это значитъ, — вмѣшалась тутъ въ разговоръ хозяйка, — что адмиралъ вѣроятно хочетъ разсказать по «свой» шквалъ, но этотъ разсказъ навѣрное уже всѣ слышали.

— Нѣтъ, извините Надежда Александровна, мы никогда не слышали, — запротестовали гости.

— Пожалуйста, Василій Михайловичъ, — такъ звали адмирала, — разскажите.

— Ну, что же. Могу и разсказать.

Хозяйка собрала свое вязаніе и вышла въ смежную гостинную. Вѣроятно она много разъ слышала разсказъ своего мужа.

— Вотъ, видите ли, — началъ адмиралъ, — это было давно. Я служилъ вторымъ лейтенантомъ на транспортѣ «Ингулъ». Не нравилась мнѣ эта служба. На транспортѣ ничего не было военнаго, кромѣ флага. Стояли на палубѣ четыре мѣдныя пушченки для салютовъ и для обоснованія, надо полагать, нашей принадлежности къ военному флоту, а служба заключалась въ томъ, что мы развозили по

маякамъ разное снабженіе, главнымъ образомъ, конечно, масло для фонарей. Иногда намъ поручали кое какія гидрографическія работы: сдѣлать промѣръ глубинъ гдѣ нибудь, провѣрить сомнительное положеніе какой нибудь отмели или банки въ морѣ, и тому подобное. Иногда мы перевозили войсковыя части изъ одного порта въ другой, но это случалось очень рѣдко.

Меня тянуло въ Кронштадтъ, гдѣ при удачѣ и протекціи можно было выбраться въ заграничное плаваніе, а, служа въ Севастополѣ, о «заграницѣ» нельзя было и думать. Можно было только попасть на стаціонеръ въ Константинополѣ, да и то не безъ трудовъ и хлопотъ; однако, я не торопился подавать просьбу о переводѣ, меня привлекалъ Севастополь, съ его солнцемъ и синимъ моремъ, съ его чуднымъ расположеніемъ, великолѣпными бухтами, Графскою Пристанью подъ колоннадами, приморскимъ бульваромъ и съ его исторіей славной защиты въ первую Турецкую войну.

Были и другіе интересы, связывавшіе меня съ Югомъ: я любилъ природу Крыма, бывалъ въ Ялтѣ, но чаще всего посѣщалъ Алушту, куда каждое лѣто пріѣзжала знакомая мнѣ почти съ дѣтства семья Кавровыхъ. Семья состояла изъ матери, вдовы морского офицера, дочери, красивой блондинки, и сына студента. Мы съ нею были въ дружескихъ отношеніяхъ и даже по давности знакомства барышня позволяла себѣ со мною нѣкоторыя вольности. Она любила подтрунивать надо мною, даже немного ехидничать, но эти ехидничанія были такъ милы и невинны, что я никогда не обижался. Вообще я замѣтилъ, что молодыя, красивыя дѣвушки, увѣренныя въ своемъ обаяніи, часто любятъ подшучивать надъ своими поклонниками. Вотъ эта дѣвушка, Надежда Александровна, и привлекала меня въ Алушту. Помню, раннею осенью выдались два дня подрядъ како-

го то праздника. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, испросилъ отпускъ и отправился въ Алушту. На слѣдующій день по пріѣздѣ я утромъ уже сидѣлъ въ гостинной Кавровыхъ, которые, какъ всегда, приняли меня привѣтливо и радушно. Обмѣнялись новостями, завязался какой то разговоръ, но Надежда Александровна сидѣла насупившись и вдругъ обратилась ко мнѣ:

— Я сегодня плохо спала; голова у меня тяжелая мнѣ хотѣлось бы освѣжиться, провѣтриться; поѣдемте прокатиться на ботикѣ.

— Пожалуй, поѣдемте, но погода сегодня сомнительная, притомъ намъ съ вами вдвоемъ на ботикѣ не управиться, а братъ вашъ въ отсутствіи.

— Ничего, мы возьмемъ этого турка, матроса Асана; вы вѣроятно его помните; онъ такой славный. Мы навѣрное застанемъ его на пляжѣ. Онъ тамъ по утрамъ всегда вертится; продаетъ папиросы своего издѣлія, увѣряя всѣхъ, что получаетъ ихъ прямо изъ Стамбула.

— Въ такомъ случаѣ, ѣдемте.

Мы вышли на пляжъ. Недалеко, у крошечной пристани, состоявшей изъ двухъ вбитыхъ въ воду свай, на которыхъ лежала доска, покачивался на привязи одномачтовый ботикъ, носившій названіе «Орленокъ». Ботикъ былъ хорошей конструкціи и оснастки, но по типу походилъ скорѣе на маленькую гоночную яхту, чѣмъ на шлюпку для катанія, и, какъ мнѣ казалось, имѣлъ излишне большую парусность. У прежняго владѣльца на какихъ то состязаніяхъ онъ, кажется, взялъ даже призъ.

Асанъ очутился около насъ.

— Идемъ, Асанъ, съ нами прокатиться на ботикѣ.

— Не надо сегодня ботикъ, — и онъ указалъ рукою на сгущавшіяся по горизонту тучи.

— Мы далеко не пойдемъ; долго кататься не будемъ.

— Ну, пожалуй, а дашь рублевку?

— Дамъ. Только собирайся скорѣе.

Асанъ подтянулъ ботикъ. Мы вскочили въ него и я, осматриваясь, все ли въ исправности, мимоходомъ замѣтилъ:

— Какъ жаль, что на ботикѣ нѣтъ спасательнаго круга или пояса; вотъ на военныхъ шлюпкахъ анкерки съ водою замѣняютъ балластъ и служатъ спасательнымъ средствомъ.

— Вы всегда со своими замѣчаніями, — заговорила Надежда Александровна, — вѣдь мы собираемся не въ кругосвѣтное плаваніе, а на короткую прогулку.

— А вы всегда со своими выговорами, я васъ все таки сегодня на руль не посажу, а буду управлять самъ.

— Какъ вамъ угодно, мнѣ все равно.

Мы оттолкнулись отъ берега, поставили парусъ, подняли кливеръ и пошли.

— А топсель, — вдругъ вспомнила Надежда Александровна, — я тщеславная, хочу, чтобы съ берега видѣли, какіе мы смѣлые и какой птицей несется «Орленокъ» по волнамъ.

— Не надо сегодня топсель, — отозвался Асанъ.

— Асанъ, не разговаривать! — скомандовала барышня.

Асанъ ворчалъ, но изготовилъ и поднялъ парусъ на мѣсто. Ботикъ накренился и еще быстрѣе сталъ рѣзать волны. Съ берега «Орленокъ», можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ казался красивою птицею, но на душѣ у меня было безпокойно.

Наше благополучіе продолжалось недолго. Что то затрещало наверху и разорванный топсель полетѣлъ внизъ, по счастью не задѣвъ никого изъ насъ.

— Вотъ, видите ли... — началъ было я, но Надежда Александровна меня перебила:

— Пожалуйста, безъ наставленій и укоровъ. Ничего особеннаго не случилось. Просто гнилая парусина, я сама починю парусъ.

Но и безъ топселя, при засвѣжѣвшемъ вѣтрѣ, ботикъ порядочно кренило. Онъ даже раза два слегка черпнулъ бортомъ.

— Асанъ, надо взять рифъ, — обратился я къ нему. Асанъ одобрительно кивнулъ головою.

— Пожалуйста, безъ рифовъ, — чуть не закричала на меня Надежда Александровна, — что за удовольствіе кататься подъ зарифленнымъ парусомъ; чего вы боитесь, какой вы морякъ; вамъ лучше было бы служить въ таможнѣ.

Очевидно Надежда Александровна бравировала, упрямилась и капризничала, а у меня не хватало твердости ей отказать.

Въ это время мы подходили къ горѣ Демерджи, а какъ только съ ней поровнялись, я увидѣлъ на скатахъ горы вихрь поднявшейся пыли, а черезъ минуту на насъ налетѣлъ со свистомъ шквалъ.

— Асанъ, трави шкотъ, спускай парусъ! — закричалъ я.

Но было поздно. Мачта съ трескомъ полетѣла за борть, а еще черезъ мгновеніе мы барахтались въ водѣ подлѣ опрокинувшагося вверхъ килемъ ботика.

Я оглянулся, и къ моему ужасу Надежды Александровны не было видно на водѣ, хотя она хорошо плавала; только ея соломенная шляпка болталась на волнѣ вблизи ботика. Я бросился къ шляпкѣ, нырнулъ, успѣлъ схватить за кушакъ уже потерявшую сознаніе дѣвушку и подплылъ къ ботику. Удерживая одною рукою дѣвушку, я другою рукою цѣплялся за киль шлюпки. Асанъ былъ подлѣ меня и дѣлалъ усилія выпрямить ботикъ.

— Брось бабу, — обратился онъ ко мнѣ, — ее не спасешь и самъ утонешь, — но должно быть ему сдѣлалось стыдно, и онъ самъ сталъ помогать мнѣ поддерживать дѣвушку.

Съ берега увидѣли наше бѣдствіе и нѣсколько лодокъ спѣшило къ намъ на помощь.

По счастью рыбаки, возвратясь послѣ ловли, не успѣли вытащить лодки на берегъ и потому были готовы, не теряя времени, броситься къ намъ на выручку.

Они лихо управились. Выпрямили ботикъ, отлили воду и повели на буксирѣ къ берегу, а насъ пересадили на лодку, которая была побольше. Подняли тѣло дѣвушки и бережно опустили на дно лодки, отъ котораго пахло еще рыбой. Черезъ нѣсколько минутъ мы были на берегу; вынесли дѣвушку на пляжъ и положили на пескѣ. Какъ всегда бываетъ при происшествіяхъ, со всѣхъ концовъ бѣжали люди и начала собираться толпа. Около меня оказался какой то молодой студентъ.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезнымъ? — спросилъ онъ меня.

— Да вотъ, пожалуйста, составьте цѣпь вокругъ насъ, удерживайте толпу, чтобы она не мѣшала намъ принять необходимыя мѣры и пошлите за докторомъ.

Просьба моя была исполнена.

Какіе то молодые люди и дѣвушки взялись за руки, окружили насъ и не подпускали близко толпу, изъ которой какой то голосъ кричалъ:

— Снимите поскорѣе какой нибудь парусъ съ одной изъ лодокъ и будемъ ее откачивать, какъ на простынѣ.

— Тутъ требуется не откачиваніе, — закричалъ и я, — а искусственное возбужденіе дыханія.

Съ этими словами я сбросилъ съ себя китель, свернулъ его валикомъ и подложилъ подъ голову

дѣвушки. Какая то догадливая женщина широко раскрыла воротъ платья и сняла кушакъ. Я взялъ обѣ руки и сталъ поднимать ихъ выше головы, а затѣмъ опускать, повторяя непрерывно эти дѣйствія. Я старался въ точности исполнять пріемы, указанные въ наставленіяхъ по спасенію утопающихъ. Прошло нѣсколько минутъ, но перемѣны не замѣчалось. Передо мною лежало полу-обнаженное тѣло молодой, красивой дѣвушки, но ни малѣйшая чувственная мысль не промелькнула въ моей головѣ, я видѣлъ въ ней только утопленницу, которую всѣми силами и помыслами старался возвратить къ жизни. Прибѣжалъ докторъ.

— Отлично распорядились, — похвалилъ онъ меня, — однако, я вижу, вы устали, — дѣйствительно, потъ градомъ катился съ моего лица. — Давайте, я васъ смѣню.

Докторъ сбросилъ свой пиджакъ и ловко, спокойно, безъ волненія, сталъ производить тѣ же движенія, какія продѣлывалъ я. Мы смѣняли другъ друга. Прошло полъ часа, но оживленіе не наступало. Толпѣ надоѣло смотрѣть на насъ. Слышались разговоры:

— Чего возиться съ нею; напрасно только тормошать ея тѣло; ясно, все кончено.

Страшная мысль, какъ молнія, пронеслась въ моей головѣ: «неужели все кончено?» Еле выговаривая отъ волненія слова, я обратился къ доктору:

— Скажите, есть надежда?

— Надежда всегда есть, — сухо отвѣтилъ докторъ и мрачно посмотрѣлъ на меня. — Тутъ важны настойчивость и терпѣніе, — прибавилъ онъ.

Вдругъ на щекахъ дѣвушки показался слабый, едва замѣтный румянецъ, черезъ минуту она вздохнула, открыла глаза и сейчасъ же ихъ закрыла.

Отъ неожиданности я было остановился, но услышалъ:

— Продолжайте, только дѣлайте движенія мягче, плавнѣе.

Докторъ припалъ ухомъ къ груди дѣвушки. Черезъ нѣсколько секундъ онъ поднялся и радостно обратился ко мнѣ:

— Слава Богу, сердце стало работать. Она дышетъ, слабо, но все таки дышетъ.

— Теперь, — повернулся онъ къ рыбакамъ, — готовьте носилки.

— Откуда ихъ взять. Понесемъ на рукахъ.

— На рукахъ нельзя. Свяжите вмѣстѣ нѣсколько веселъ, покройте парусомъ, вотъ и носилки.

Тутъ со мною случился припадокъ.

Ощущеніе страха смѣнилось столь острымъ чувствомъ радости, что нервы не выдержали и я зарыдалъ, какъ ребенокъ. Докторъ ласково потрепалъ меня по плечу:

— Успокойтесь; теперь, Богъ дастъ, все наладится.

Носилки были готовы. Мы осторожно положили на нихъ дѣвушку и понесли. Какая то женщина накинула на нее платокъ. Толпа стала расходиться, но нѣкоторые провожали насъ. На полъ-дорогѣ насъ встрѣтила мать дѣвушки — ее звали Анна Степановна.

Она взглянула на лицо дочери, мертвенно поблѣднѣла и зашаталась, но кто то успѣлъ ее поддержать. Она быстро овладѣла собою и заговорила:

— Я обо всемъ слышала, все знаю и всѣмъ распорядилась: приготовила бутылки съ горячею водою, согрѣла постель и сдѣлала все, что нужно.

— Прекрасно, прекрасно, — одобрилъ докторъ.

Мы подошли къ дому. Нѣкоторые хотѣли войти.

— Нѣтъ, извините, пожалуйста, благодарю за участіе... — начала безсвязно говорить Анна Степановна. — Никого не могу принять. — Потомъ обратилась къ рыбакамъ: — Я васъ не забуду, завтра

все сдѣлаю, все устрою, а сегодня не могу, не могу...

Тутъ докторъ обратился ко мнѣ:

— Вы тоже уходите, на васъ лица нѣтъ; выпейте стаканъ горячаго пунша и въ постель, слышите, въ постель.

Только въ эту минуту Анна Степановна, поглощенная горемъ, обратила вниманіе на меня. Увидѣла измученное лицо, трясущіяся отъ усталости руки и красные отъ недавнихъ слезъ глаза. Она обняла меня, повторяя слова доктора:

— Да, да, идите домой. Мы теперь, вдвоемъ съ докторомъ, справимся со всѣмъ и безъ васъ.

Я побрелъ, пошатываясь, домой. Вошелъ въ комнату; повалился отъ изнеможенія на постель и безъ всякаго пунша заснулъ, какъ убитый. Молодость и усталость взяли свое. Только раннимъ утромъ гулъ прибоя и заглянувшее въ окно яркое солнце разбудили меня. Я не сразу вспомнилъ ужасъ прожитаго вчерашняго дня, но когда вспомнилъ, мучительная тревога овладѣла мною. Я быстро одѣлся и поспѣшилъ на дачу Кавровыхъ. Войти я не рѣшился, боясь услышать роковую вѣсть, а хотѣлъ по внѣшнимъ признакамъ узнать, все ли въ домѣ благополучно. Кругомъ была тишина, ставни комнаты дѣвушки были закрыты; не замѣчалось никакого движенія.

— Ну, — думалъ я, — тишина, значитъ въ домѣ спокойно.

Въ это время на балконѣ показалась Анна Степановна. Увидя меня, она поманила къ себѣ рукою.

— Слава Богу, — сказала она, — Надя оправляется и ночь провела спокойно, но докторъ все таки побаивается за ея сердце, хотя и утѣшаетъ меня, что все теперь обойдется благополучно.

Я сразу повеселѣлъ. Анна Степановна улыбнулась, и я понялъ, что она безъ словъ разгадала мою тайну. Вчера я себя выдалъ.

На половину успокоенный, я вернулся домой; вспомнилъ, что срокъ моего отпуска кончился, и послалъ какую то нелѣпую телеграмму въ Севастополь, что внезапно заболѣлъ. Добрѣйшій командиръ «Ингула» догадывался, что меня задерживало въ Алуштѣ, и прислалъ отвѣтъ: «Можете оставаться впредь до выздоровленія». Это разрѣшеніе очень меня успокоило. На слѣдующій день я съ утра дежурилъ подъ окнами дачи Кавровыхъ. На этотъ разъ никто ко мнѣ не вышелъ. Время мучительно тянулось. Насталъ третій день и, подойдя къ дому, я увидѣлъ на крыльцѣ Анну Степановну.

— Могу васъ порадовать, — сказала она, — Надя почти совсѣмъ оправилась. Докторъ говоритъ, что всякая опасность миновала и даже позволилъ ей встать. Если хотите, можете зайти къ ней, но не надолго; она еще очень слабая.

Обрадованный, я отворилъ дверь комнаты. Надежда Александровна полулежала на кушеткѣ въ розовомъ халатикѣ и перелистывала какой то иллюстрированный журналъ. Чтобы скрыть свое волненіе и подбодрить себя, я старался быть развязнымъ:

— Здравствуйте, Надежда Александровна, — обратился я къ ней, — очень счастливъ и радъ, что вы на этотъ разъ благополучно выцарапались изъ бѣды; надѣюсь, что больше не будете кататься на ботикѣ.

— Совершенно ошибаетесь, непремѣнно буду кататься, только не съ вами. Вы не умѣете управляться, — и, помолчавъ, прибавила: — и чего вы тамъ, на пляжѣ, разхныкались; какой вы мужчина; вѣдь мнѣ все разсказали.

Она пыталась говорить съ прежней ироніей, но въ голосѣ слышалась другая нотка и въ глазахъ свѣтилась ласковая улыбка признательности.

Я хотѣлъ что то отвѣтить, объяснить ей, но

путался въ словахъ. Въ это время Анна Степановна постучала въ дверь:

— Уходите. Надю нельзя утомлять, она еще такая слабая.

— Ну, прощайте, надѣюсь, до скораго свиданія. Приходите завтра.

Такихъ словъ я давно отъ нея не слышалъ. Она протянула руку, я ее поцѣловалъ и, кажется, двѣ или три мои слезы капнули на эту руку. Я проклиналъ себя за мою чувствительность и нервную слезливость. Въ смущеніи я взглянулъ на нее. На лицѣ держалась слегка насмѣшливая, но ласковая улыбка, а глаза привѣтливо глядѣли на меня. Я весь ожилъ. Я зналъ, что эти глаза не обманываютъ меня и что моя судьба рѣшена.

Радостный и довольный я вернулся домой. Пробовалъ чѣмъ нибудь заняться, бралъ книгу въ руки, но мысли ползли въ разбродъ и остатокъ дня я провелъ въ полузабытьи и грезахъ о будущемъ счастьи. Нужно ли продолжать дальше...

Черезъ мѣсяцъ я былъ объявленъ женихомъ и считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ.

— Такъ вотъ, видите ли, господа, — закончилъ адмиралъ, — шквалъ помогъ всему устроиться, и, если бы не шквалъ, то Надежда Александровна сегодня не разливала бы намъ на террасѣ чай.

— Однако, накрапываетъ, пойдемте въ комнаты, — пригласилъ адмиралъ.

— Нѣтъ, Василій Михайловичъ, — отозвался кто то изъ гостей, — намъ пора по домамъ. Посмотрите, какая надвигается темень.

Гости распрощались и направились въ городъ по приморской дорогѣ, прижимаясь къ утесамъ, потому что гребни волнъ уже начали захлестывать нижнюю часть дороги. Наступила полная темнота, глухо шумѣло море, иногда слышался всплескъ волны, разбившейся о камни, и грохотъ прибоя; на небѣ

не было видно ни одной звѣздочки и только далеко, почти на горизонтѣ, мигалъ каждыя двѣ минуты, ярко вспыхивая, огонь маяка Меганомъ...

Парижъ. Мартъ 1936. **В. Линденъ.**

т. е. безъ денегъ, а
личныхъ средствъ у меня
не было. Въ это время
пришелъ въ Кронштадтъ
Американскій Мониторъ
"Міантономо" въ сопро-
вожденіи парахода "Ав-
густа". На немъ прибы-
ла делегація, чтобы по-
благодарить Государя
Александра II-го за посыл-
ку эскадры Адмирала
Лессовскаго въ 1863 г. въ
Американскія воды и ока-
заніе моральной поддерж-
ки Сѣвернымъ Штатамъ
въ ихъ борьбѣ за уничто-
женіе рабовладѣнія у
Южныхъ Штатами. —

Снимокъ съ собственноручнаго письма В. М. Линдена отъ апрѣля м-ца 1937 года.

В. М. Линденъ.

(Къ 75-лѣтію выпуска изъ Морского Корпуса),

(1862—1937).

Въ апрѣлѣ с. г. русская морская семья празднуетъ рѣдкій юбилей — исполняется 75 лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ ея старѣйшаго члена и достойнѣйшаго представителя флота генералъ-лейтенанта Вильгельма Михайловича Линденъ. Вся жизнь маститаго юбиляра прошла въ служеніи родному флоту, какъ военному, такъ и торговому. Въ настоящее время, несмотря на преклонные годы, В. М. не прервалъ связи со своими младшими сотоварищами и является дѣятельнымъ членомъ нѣсколькихъ зарубежныхъ морскихъ организацій.

Біографія В. М., служившаго Россіи при трехъ Императорахъ, тѣсно сплетена съ исторіей нашего флота въ послѣднія десятилѣтія и уже этимъ самымъ пріобрѣтаетъ особый интересъ.

В. М. Линденъ родился 5-17 марта 1843 г. въ г. Иркутскѣ, гдѣ отецъ его былъ директоромъ гимназіи. Въ 1856 г. В. М. поступилъ въ Морской Кадетскій Корпусъ и въ 1862 г. окончилъ его первымъ по выпуску. Произведенный 7 апрѣля 1862 г. въ гардемарины, онъ въ томъ же году ушелъ въ заграничное плаваніе на клиперѣ «Алмазъ» подъ командою кап.-лейтенанта Павла Алексѣевича Зеленого, бывшаго въ свои юные годы мичманомъ на фрегатѣ «Паллада», а затѣмъ получившаго всероссійскую извѣстность на посту одесскаго градоначальника. Въ 1863 г. «Алмазъ» былъ отозванъ изъ Англіи и въ томъ же году осенью вошелъ въ составъ эскадры

адм. Лесовскаго, посланной къ берегамъ Америки и посѣтившей Соединенные Штаты во время ихъ гражданской войны. Эскадра состояла изъ фрегатовъ: «Александръ Невскій», «Ослябя», «Пересвѣтъ», корветовъ «Витязь», «Варягъ» и клипера «Алмазъ». Эскадра шла соединенно подъ парусами и достигла береговъ Америки въ сорокъ дней. Для скрытія плаванія, по политическимъ причинамъ, отъ англичанъ, эскадра прошла не черезъ Ламаншъ, а обогнула Шотландію. Клиперъ же «Алмазъ» имѣлъ порученіе зайти въ Киль, тогда принадлежавшій еще датчанамъ, и совершилъ плаваніе самостоятельно, употребивъ на переходъ въ Нью-Іоркъ, вслѣдствіе штормовой погоды, 69 дней.

Въ 1864 г. клиперъ «Алмазъ» отдѣлился отъ эскадры, получивъ назначеніе, какъ тогда говорили, къ берегамъ Амура, но въ томъ же году былъ отозванъ изъ Ріо-де-Жанейро въ Средиземное море въ ту же эскадру адм. Лесовскаго и сопровождалъ въ качествѣ конвоира фрегатъ «Александръ Невскій», на которомъ перевозилось тѣло Наслѣдника престола Николая Александровича (сына Императора Александра II), скончавшагося въ Ниццѣ.

По возвращеніи В. М. изъ заграничнаго плаванія, пришелъ въ 1866 г. въ Кронштадтъ американскій мониторъ «Міантономо», на которомъ прибылъ статсъ-секретарь Фоксъ съ письмомъ отъ президента Соединенныхъ Штатовъ къ Государю Императору Александру II съ изъявленіемъ благодарности по случаю посѣщенія Соединенныхъ Штатовъ русскими эскадрами во время гражданской войны. Это былъ отвѣтный визитъ. Плаваніе монитора черезъ океанъ очень заинтересовало морскія державы и привлекло вниманіе въ Россіи. По приходѣ монитора въ Кронштадтъ были организованы пароходныя экскурсіи (жел. дорога въ Ораніенбаумъ еще не была построена) для его осмотра. В. М. сидѣлъ въ это вре-

мя, какъ говорилось тогда, на экваторѣ безъ денегъ и задумалъ устроить маленькую аферу, отправился въ Публичную Библіотеку, просмотрѣлъ тамъ англійскія газеты, заимствовалъ изъ нихъ описаніе монитора и быстро напечаталъ маленькую брошюру съ описаніемъ «Міантономо» и его плаванія. Брошюра эта была пущена въ продажу на пароходныхъ пристаняхъ при посредствѣ газетчиковъ и дала ея автору около ста рублей, явившихся большой поддержкой тощему карману молодого офицера. Эта брошюра, изданная безъ подписи, была первымъ выступленіемъ В. М. въ печати.

Въ 1866 г. В. М. поступилъ въ Морскую Академію, которую окончилъ въ 1868 г., а осенью 1869 г. онъ отправился опять въ заграничное плаваніе на корветѣ «Бояринъ» подъ командой кап. 2 ранга Сѣркова въ отрядѣ кап. 1 р. Константина Павловича Пилкина (участника обороны Петропавловска въ 1854 году, впослѣдствіи извѣстнаго адмирала). Корветъ, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, посѣтилъ въ Австраліи порты — Аделаиду, Гобортъ (на о-вѣ Тасманія), Сидней и острова Тихаго океана: Соломоновы, Фиджи и Самоа, прибывъ въ Японію въ 1870 г. въ разгаръ франко-прусской войны. Въ 1871 году, побывавъ во Владивостокѣ, корветъ совершилъ плаваніе въ Санъ-Франциско, посѣтивъ по пути Сандвичевы острова. По возвращеніи въ Японію, В. М. былъ опять переведенъ на «Алмазъ», состоявшій подъ командой кап. 2 р. Владиміра Ник. Брылкина (впослѣдствіи коменданта Кронштадтской крѣпости, лихого морского офицера, въ противоположность Зеленому носившаго большую парусность и не боявшагося ураголовъ). Въ 1872 году клиперъ возвратился въ Кронштадтъ.

Будучи въ Академіи, В. М. помѣстилъ въ «Морскомъ Сборникѣ» передовую статью «О перемѣщеніи магнитныхъ земныхъ полюсовъ», а впослѣдствіи

двѣ или три небольшихъ статьи по артиллерійскому и минному дѣлу. Во время заграничнаго плаванія (1869-1872 г. г.) В. М. посылалъ корреспонденціи въ «Кронштадтскій Вѣстникъ», касавшіяся главнымъ образомъ его метеорологическихъ наблюденій. Въ это же время въ іюньскомъ номерѣ «Вѣстника Европы» за 1871 годъ была напечатана статья В. М. «Въ Тихомъ океанѣ». Въ томъ же 1871 г., будучи въ Нагасаки, В. М. помѣстилъ въ мѣстной англійской газеткѣ небольшую замѣтку объ островахъ Тихаго океана, подписанную шутливымъ псевдонимомъ — „Pustozvon“.

Десять лѣтъ службы и дальнія плаванія выдвинули В. М. и въ 1873 г. онъ получилъ видное назначеніе въ распоряженіе Свиты Его Величества контръ-адмирала Ивана Федоровича Лихачева, состоявшаго тогда военно-морскимъ агентомъ во Франціи и въ Англіи. Въ 1876 г. В. М., будучи еще лейтенантомъ, былъ назначенъ самостоятельнымъ агентомъ въ Англію, смѣнивъ кап. 1 р. Копытова (впослѣдствіи Гл. Командира Черном. флота). На этомъ посту В. М. оставался почти десять лѣтъ до 1886 г. Во время пребыванія въ Англіи служба В. М. заключалась главнымъ образомъ въ собираніи развѣдочнымъ путемъ и другимъ образомъ свѣдѣній, интересовавшихъ Морское Вѣдомство, исполненіемъ заказовъ станковъ и механизмовъ для мастерскихъ адмиралтействъ, маячныхъ приборовъ, разныхъ инструментовъ и по исполненію другихъ порученій. Во время войны съ Турціей 1877-78 г. г. В. М. удалось прослѣдить, что строившійся на заводѣ Самюда (болѣе не существуетъ) въ Лондонѣ для турецкаго правительства крупный броненосецъ, принявъ запасы, полное снабженіе и погрузивъ пушки въ трюмы, готовится подъ англійскимъ флагомъ выйти въ море. Какъ разъ наканунѣ отхода В. М. пришлось побывать въ докѣ, гдѣ стоялъ корабль, и убѣдиться въ готовности ко-

рабля къ походу. Съ мѣста тутъ же изъ дока была послана срочная телеграмма послу, графу Шувалову, и броненосецъ былъ задержанъ. Въ скоромъ времени этотъ корабль былъ купленъ англійскимъ правительствомъ и переименованъ въ «Александрію».

Въ 1886 г. В. М. былъ назначенъ старшимъ помощникомъ капитана надъ портомъ въ г. Николаевѣ (Херс. губ.), но оставался на этомъ посту только нѣсколько мѣсяцевъ, получивъ приглашеніе отъ адм. А. П. Жандръ, бывшаго директоромъ общества «Кавказъ и Меркурій», занять мѣсто помощника управляющаго пароходствомъ этого общества. Выйдя въ отставку, В. М. пять лѣтъ прожилъ въ Астрахани, занимаясь коммерческими операціями общества. По обязанностямъ службы онъ много плавалъ по Волгѣ и Каспійскому морю. Для ревизіи агенствъ былъ командированъ въ Туркестанскій край, откуда вывозилъ хлопокъ для погрузки на свои суда и доставки въ Нижній Новгородъ, причемъ посѣтилъ Самаркандъ, Ташкентъ, Бухару и Кокандъ.

Въ 1892 г. В. М. вновь поступилъ на службу во флотъ и былъ назначенъ инспекторомъ Добровольнаго флота, на каковомъ мѣстѣ оставался почти 15 лѣтъ до окончательнаго выхода въ отставку въ 1906 году по предѣльному возрасту въ чинѣ генералъ-лейтенанта, имѣя всѣ ордена до св. Анны 1-й степени включительно.

Во время службы В. М. въ Добровольномъ флотѣ этотъ флотъ обогатился многими пароходами новой постройки, какъ крейсерскаго типа съ приспособленіями для ихъ вооруженія («Смоленскъ», «Херсонъ», «Москва», «Саратовъ»), такъ и грузовыми («Владиміръ», «Воронежъ», «Казань» и др.), перевезшими большое количество грузовъ для постройки Сибирской желѣзной дороги (локомотивы въ собранномъ видѣ, мостовыя фермы, рельсы и пр.).

По выходѣ въ отставку В. М. поселился въ Крыму и въ 1920 году вынужденъ былъ покинуть Ялту за три мѣсяца, по счастью, до эвакуаціи арміи ген. Врангеля. Полтора года В. М. прожилъ въ Константинополѣ, затѣмъ жилъ въ Майнцѣ, а нынѣ проживаетъ въ Парижѣ, окруженный заботами своей семьи.

Ни лишенія, ни преклонные годы не убили въ В. М. интереса къ окружающей его жизни. Онъ, какъ и въ прежніе годы, живо интересуется всѣмъ, что касается Россіи и особенно флота и морской семьи. Если только недомоганіе или дурная погода не препятствуютъ — В. М. можно видѣть принимающимъ дѣятельное участіе въ работахъ Совѣта Старѣйшинъ ВОМО, гдѣ онъ представляетъ Каютъ-Компанію въ Прагѣ, на собраніяхъ Военно-Морского Историческаго Кружка или за дружеской бесѣдой со своими соплавателями и сослуживцами.

Не оставляетъ В. М. и литературной дѣятельности — будучи въ эмиграціи, онъ помѣстилъ лѣтъ девять назадъ въ газетѣ «Возрожденіе» фельетонную статью «Изъ воспоминаній» съ описаніемъ посѣщенія въ 1870 г. Соломоновыхъ острововъ, а на страницахъ «Морского Журнала» были помѣщены двѣ его статьи — одна съ описаніемъ Морского Училища въ Аннаполисѣ (США), а другая подъ названіемъ «Участіе американскаго флота въ борьбѣ съ подводными судами».

ИЗДАНІЕ КАЮТЪ-КОМПАНИИ ВЪ ПРАГѢ.

Chudomel • Hostivař.